

Надежда Нелидова

Агорафобия

Надежда Нелидова

Агорафобия

«Издательские решения»

Нелидова Н.

Агорафобия / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966023-7

Ищите про маньяков — вам сюда. Ну и герои собрались в этой книге — просто паноптикум живых мертвецов. Иногда они маскируются, и их не отличить от людей, живущих между нами. Тогда они особенно опасны. Причём дамы-«зомби» не отстают от сильного пола. Кого-то обязывает к жутковатым поступкам профессия: похоронный фотограф. А кто-то просто слишком нежно любит свою маленькую дочку и ради неё готов на преступление.

ISBN 978-5-44-966023-7

© Нелидова Н.
© Издательские решения

Содержание

ЦЕЛУЙ МЕНЯ, КРОШКА	6
КЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ АВТО	11
БАШНЯ АТТРАКЦИОНОВ	16
АГОРАФОБИЯ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Агорафобия

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-6023-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЦЕЛУЙ МЕНЯ, КРОШКА

Андрейка сказал спасибо, вылез из-за стола и пошёл гулять.

– Далеко не ходи! – дежурно крикнула вслед мама.

Смешная мама. Если даже захочешь, отсюда далеко не уйдёшь. Маленький коттеджный посёлок окружает двухметровая бетонная ограда с толстыми железными воротами. Её поставили во время стройки, чтоб не растащили дорогие стройматериалы.

За стеной течёт речка. За речкой находится барак, которого не видно в бурьяне, выросшем выше крыши. Это очень интересное место. Каждую ночь оттуда доносятся страшные крики: «Убив-а-ают!» Потом, как ни в чём не бывало, залиvisto хохочут и кричат песни. Потом снова: «Убива-ают!» По Андрейкиным расчётам, к утру там должна образоваться гора трупов. Он спрашивает об этом маму.

– Господи. Хоть бы перерезали друг друга. Так ведь не дождёшься. Не снесли в своё время. Теперь их дустом не выведешь. Привёл Бог жить под боком с гадюшником.

– А что это – гадюшник?

– Ну, вот зэка отсидел в колонии. Жить негде – идёт в барак, – объяснила Татьяна. – Или алкаш пропилил квартиру. Риелтеры его куда вывезли? В барак. И все размножаются в геометрической прогрессии. Получается гадюшник.

Недавно она возвращалась с прогулки, шла мимо колонки. Там барачная молодуха Верка стирала в цинковом корыте исподнее бельё. Не жалея сыпала соду, обильно разливала вокруг пенные моря. Посёлок лежал ниже колонки, вся мыльная вода – на огородах.

Татьяна сделала замечание: для кого вбита табличка «Стирать на колонке строго запрещено»? Верка моментально матерком её отбрила. Мол, захочет – под носом у Татьяны организует постирушку. Или пускай Татьяна засучит рукава и поморозит холёные ручки в ледяной воде, потому что у Верки индезитов и занусси нету.

– Давно пора снести эту колонку, – бросила Татьяна уходя.

– Давно пора вас подпалить, – проворчала вслед Верка. – Жирдяи проклятые.

Андрейка подружился с одним обитателем гадюшника, но об этом благоразумно помалкивал. В коттеджной ограде, между бетонными плитами, образовался зазор, его в высокой траве не видно. Через эту щель может пролезть только очень маленький человек. Однажды Андрейка вылез – а на берегу сидит дядька и ловит рыбу. На травинку нанизано штук десять рыбёшек.

– А рыбкам больно?

– С чего вдруг. Спят они.

Андрейка успокоился за рыбок. Дядька угостил Андрейку пластилиновым чёрным хлебом и разрешил подержать удочку. От него разило чесноком.

– Не нравится? – удивился балагур дядька (он велел называть себя дядя Спирия). – Для мужика батюшка чеснок – первое дело. Самый калорийный овощ – раз. Витаминный – два. Заразу убивает – три. Вкусный – четыре. Мужицкую силу даёт – пять. Вот какая полезная штука.

Выяснилось, что для дяди Спири чеснок не приправа, а основная пища. А суп, хлеб – так, пустяки, чтобы было чем заесть чеснок. Андрейка всё смотрел, как это дядя Спирия странно подогнул под себя ноги. С любопытством ждал, как он будет вставать.

– А вот так! – он будто читал Андрейкины мысли. Вытянул грязные, с кожаными ладонками, суконные перчатки, на которых сидел. Сунул травинку с рыбой в зубы. Надел суконки и весело, играючи поскакал по тропинке к бараку. Забавно, в такт скачкам, подпевал:

– Бон, бон, бон! Бессама... Бессама му-уча!.. Знаешь, как по-нашему? Целуй меня, крошка! Целуй сладко!

Андрейка зачарованно бежал рядом.

– Дядя, что у вас с ножками?

– А электричкой переехало, – дядя Спирия остановился отдохнуть. Ловко выплюнул травинку с рыбой на колени. – Вот такое счастье привалило. Жил себе, стрелял у бабок пенсию. И вона: сразу в дамки. Инвалид первой группы. Пенсион шесть тыщ: пей не хочу. Все соседи завидуют. Мои кормильцы, – любовно похлопал по культям, обвёрнутым в штанины. – Я теперь в бараке самый уважаемый человек, со стабильным доходом. То был Спирька, а нынче: Спиридон Григорич. То-то.

...В посёлке отключилось электричество. Ждали, что дадут к вечеру. Не дали и к утру, и к вечеру следующего дня. Пытались дозвониться к коммунальщикам. И раньше связь была плохая, а тут вообще глухо погрузились в зону вне доступа.

Стояла жара, и это была катастрофа. Поливать огороды нечем – насосы умерли. Для питья цедили воду из родника. У всех дружно потекли морозильники. Татьяна отыскала на веранде примус. Бросилась варить из раскисшей ягоды – варенье, из размороженных овощей – икру. Мясо – в тушёнку.

Как назло, занятые оптовой торговлей Татьянин муж с братьями Тыщенко накануне уехали в соседнюю область на базу. Раньше той недели обратно не ждали. У соседей Ночёвкиных внедорожник не на ходу. Авдеевы только-только продали машину – новую ещё не купили. Автобусы до посёлка не ходят – дорога на ремонте...

Зато под вечер объявился безногий Спиридон, с оказией уехавший в город за пенсией ещё два назад – и пропавший. У барака его сбросило социальное такси – списанный «рафик» с облезлым красным крестом на боку. В прямом смысле сбросило – круто развернулось и прытко умчалось, будто от кого спасаясь.

Из города Спирька обычно прибывал наклюкавшись в зюю – а тут ни в одном глазу. Позеленелый, с вытаращенными безумными глазами, с трясущейся челюстью. В углу небри-того рта приклеилась, присохла забытая, наверно, ещё с города папироска.

Измученные неопределённостью поселковые женщины слышали шум машины. Перебороли соседскую, классовую, социальную неприязнь, вышли к бараку. Вокруг Спирьки клубился барачный люд, находящийся в разной степени алкогольного опьянения и похмелья. Покачивался, помалкивал, тяжко тряс сальными нечёсанными башками, со скрипом ворочал мозгами. Переваривал привезённую Спирькой из города дикую, невероятную, чудовищную новость.

Спирька оглянулся на подошедших «чистых» поселковых женщин. Глухо повторил, облизнув чёрные треснувшие губы:

– Революция.

– Что-о-о-о?!?!! Какая... Революция?!

– Переворот. Социальный взрыв. Учебник истории читали? Экспроприация экспроприаторов. Мир хижинам, война дворцам. В руках восставших почта, телеграф, мосты. Мобильная связь. Электричество везде вырубил. Страх, что в городе делается. Мясорубка. Спасибо, кореш на «рафике» подбросил.

С торжеством оглядел вытянувшиеся лица. Охлопал, ощупал пиджак, весь в чём-то сохлом, чёрно-красном. С отвращением поскрёб:

– Кровь. Не моя. Женщину одну из мерседеса вытащили... Беременную не пожалели. Что делается. Ох, зверь народ. До ручки довели, – он безуспешно пытался разжечь погасшую

папиросу – дрожали, ходили ходуном пальцы. – На выезде из города затор. Люди, кто зажиточней, бегут. А на выезде мужики шалаш, вроде КПП, устроили. Шмонают всех, даже грудничков раскутывают. Рыжѐ, цацки вытрясают. Которые противятся, тех это... Сразу в расход. Машины отгоняют и жгут. Мы с корешем отъезжали: зарево, дымина чёрный до неба...

– Тань... Открой, не бойся, это я.

Тётя Жанна Ночёвкина проскользнула в дом. Зашептала так тихо, что Андрейка едва слышал. Тётя Жанна говорила, что Эдик кое-как подлатал машину, и там имеется строго пять посадочных мест. Сами Ночёвкины, свѐкор со свекрухой. Татьяна посадит Андрейку на колени. В багажнике овчарка Альма, которой вкололи снотворное.

Пускай Татьяна берѐт документы и минимум носильного, необходимого («Ну ты понимаешь»). На себя тёплую одежду. Собираться в величайшей тайне. Не зажигать огня, не привлекать внимания соседей («Такая ситуация. Каждый сам за себя»).

Андрейка испытывал жуть и одновременно восторг, как во время грозы. Старательно подыгрывал маме: говорил шѐпотом, ходил на цыпочках, как в шпионской игре. Сердчишко колотилось. Мама на пороге оглядела с любовью устроенную новенькую прихожую. Всклипла, заткнула рот узлом.

К соседям шли огородами. Андрейка в темноте тайком растопыренными пальцами, как гребешком, провѐл по выющейся гороховой поросли. Урвал несколько хрупких прохладных стручков – они у Ночёвкиных самые сладкие.

Тётя Жанна зашипела на маму:

– Рожала там, что ли?! Давайте размещайтесь быстрее.

Андрейка угодил во что большое, мягкое: в живот бабки Ночёвкиной. Бабка его неприятно стряхнула, как таракашку. Машина в тишине зафырчала так громко, так что все вскрикнули и набросились на дядю Эдика. Выехали со двора и с выключенными фарами мягко двинулись по тѐмной улице – тоже будто на цыпочках.

От дома Авдеевых отделились две тени, большая и малая. Бросились наперерез машине. Андрейка узнал тѐтю Юлю Авдееву с дочкой Снежанкой, его подружкой по играм. Дядя Эдик как-то странно замычал, объезжая их, круто вильнул и надал газу.

Осталось выехать из бетонной ограды, проехать мост, выскочить на шоссе. А там с ветерком помчаться к папе и дядям Тыщенко. У них грузовики, вездеход и травматические пистолеты. Они охотники и метко стреляют. В глухом лесу у них есть сторожка, припасы, и папа обязательно что-нибудь придумает.

Из ворот выехали беспрепятственно. Но перед мостом машина на всѐм ходу вдруг дёрнулась, завертелась как дура. Взвыла, ткнулась в кювет и заглохла.

– Приехали! – весело заключил молодой женский голос снаружи. – Давай вылазь... Смыться надумали, буржуи хитрожопые. Не вышло!

Это была Верка. Но какая нарядная Верка! На ней была кожаная мини-юбка, которую Андрейка видел на тѐте Ларисе Тыщенко. Тѐти Ларисины бриллиантовые серѐжки болтались в Веркиных ушах. Просто так тѐтя Лариса юбку и серѐжки никому в жизнь бы не отдала. Что стало с бедной тѐтей Ларисой?!

Беглецы топтались на дороге. Сразу стало понятно, что остановило машину. Поперѐк дороги между деревьями был натянут трос. Бабка Ночёвкина никак не могла выбраться и хныкала, что у неё сахарный диабет и давление.

– Са-ахарный! – насмешливо сказала Верка. – Кончилась ваша сахарная жизнь, живоглоты. Давай вылазь! Напились нашей кровушки. Нажрали брюхи на нашей треклятой жизни, будя! Из-за таких как вы, я своих кровиночек потеря-ала! – вдруг взвыла она.

Видимо, Верка имела в виду ребёнка, которого нынче родила от хахалы и закопала живого в подполье в обувной коробке. Про неё говорили, что это не в первый раз. Копни у неё подполье – отроешь кладбище младенцев. Верку тогда присудили к году условно.

Позади Верки стоял, поигрывая верёвкой, хахаль-тюремщик. Конец верёвки был связан в петлю. В свете фар жутко поблёскивало лезвие заткнутого за пояс ножа.

Никто никогда до сих пор не видел Веркиного хахалы трезвым. Оттого неожиданная, резкая перемена в нём поражала. Он стоял на земле уверенно, прочно. Широко, по-хозяйски расставил ноги, обутые в Тыценковские охотничьи ботфорты. Лицо отошло от фиолетовых пьяных отёков: сразу как будто озлилось, подсохло, заострилось хищным ястребиным профилем.

Позади толпились барачные: тоже странно трезвые, подобравшиеся. Лишь один молодой парень едва держался на ногах, дышал перегаром. Непрстойно завихлялся перед Андрейкиной мамой:

– Целуй меня, крошка! Целуй везде, восемнадцать мне уже!

Бросившегося с него с кулачками Андрейку пнул как котёнка.

– Кончай трепаться. Этих, этих и эту с пацанёнком гоните в крайний дом. А с этим, – хахаль кивнул на дядю Эдика, – я сам поговорю.

Маленькое стадо из Татьяны, тёти Жанны, Андрейки и охающих свёкров погнало в крайний – Татьянин дом. Когда они уже входили в ворота, за их спинами внятно хлопнуло. Дико завизжала Верка.

– Быстрее, да быстрее же!! – рявкнул дядя Эдик. Всем своим большим телом налетел на «стадо», впихнул в ограду. Барачная охрана, отмахиваясь как от мух, пятилась от наведённого на неё пистолета. Тётя Жанна первая сообразила. С мужем с двух сторон навалились, закрыли тяжёлые железные ворота. С ржавым лязгом задвинули толстый засов.

Татьянин дом стал чем-то вроде штаба. Из тыценковского дома приволокли сейф. Поколовали с кодом – открылся!

– Калаш есть! Цинки патронов, три. Ружья! Живём, – весело объявил дядя Эдик. Андрейка и Снежанка вертелись, путались под ногами. Всем мужчинам, даже свёкру, досталось по охотничьей двустволке. Андрейке и Снежанке досталось звонко по попе.

– Пока они скумекают подобие лестницы, у нас есть тайм-аут. Взять стремянки, рассредоточиться в углах по периметру, – отдавал приказы дядя Эдик. – Пока мужья кемарят – жёны чтоб глаз с барака не спускали. И наоборот. Главное: не дать голодранцам прорваться в посёлок.

– Мы канистру спирта за ограду перебросили, – тихо сказала Снежанкина мама. – Может, перепьются?

– Да не перепьются они! – раздражённо крикнул дядя Эдик. – Сухой закон ввели... Революционеры, так их!

Днём было не так страшно. Но чем ближе к вечеру – становилось тревожнее. У барачков наблюдалось какое-то движение.

– Подкрепление к ним прибыло. Из Выселков, что ли, – предположила тётя Жанна, засевшая в мансарде. Она вглядывалась в полевой бинокль.

Стемнело. Фонари не зажигали, чтобы враг не догадался о передвижениях внутри форта. Первый звук мощного удара заставил подпрыгнуть всех в доме. Вздрыгнул сам дом и, кажется, даже земля под ним. Затем толчки стали равномерными.

– Ворота штурмуют, – сказал тётиЖаннин свёкор. Свекровь запрочитала.

– Ворота не страшно, – сказал сосед, забежавший за прокладками (у жены от стресса началось). – Другое страшно...

Он не договорил. Раздался звон бьющегося бутылочного стекла. Под окном растеклась и заплясала огненная лужица, вспыхнули сухая травка вокруг.

– Вот оно, – сказал сосед. – Зажигательная смесь. Пригодился ваш спирт, етит вашу. Кто-то в химии у них фурычит: видать, не всю жизнь водку глушили... Давайте, женщины, – распорядился. – Лопаты, песок – тушите.

Ковыляя, подволакивая ногу, вбежал дядя Эдик, за ним «постовые».

– Тыщенковская баня занялась! – крикнул он. – Барачные полезли со всех сторон, как тараканы, слишком много их! Татьяна, двери запирай! Опускай рольставни на окнах! Детей в подвал!

– Поджарят нас как шашлык! – запричитала бабка Ночёвкина. В дверь раздался первый удар такой силы, что посыпалась штукатурка, зазвенела хрустальными висюльками, закачалась под потолком люстра. Вслед за тем: «та-та-та» – будто твёрдо посыпалась фасоль – с мансарды, куда убежал дядя Эдик.

– Господи, что это? – говорила дрожащим голосом Татьяна, обнимая Андрейку так, будто хотела вжать, впечатать, спрятать в своё тело. – Что это, Господи?!

Ослепительно, ярко вспыхнувшая люстра ошеломила всех. Все сидели ослепшие, онемевшие, выпучив глаза друг на друга и разинув рты, с отвисшими челюстями. И сразу раздалась многоголосая какофония из оживших мобильных звонков – как у осаждённых, так и у мятежников на улице.

– Что случилось?! – кричал в трубке папа. – Как Андрейка?! Два дня нет к вам доступа, чертовщина какая-то! Решили вернуться. Здесь уже рядом находимся, у моста. Револю... Какая революция?! Ты в уме? Что, чёрт возьми, у вас там происходит?!

Татьяна, уронив мобильник, рыдала на весь дом. Шатаясь, побрела к дверям. Распахнула, рухнула на крыльцо, привалившись головой к лакированной балясине.

Революционеров как ветром сдуло. Валялся таран – берёзовый ствол, грубо, наспех обрубленный от сучьев. От тыщенковской бани пахло гарью, валил пар и несло шипение. Там сутились люди, хлестали мощные струи из насосов.

Андрейка вспомнил, что с утра не пИсал. Домашнюю уборную надолго оккупировала бабка Ночёвкина. Её на нервной почве прошиб неукротимый понос. В пластиковую кабинку с биотуалетом, в конец огорода Андрейка не пошёл бы ни за какие коврижки. Там вполне могли притаиться Верка и хахаль с верёвкой и ножом.

Высвободил из штанов крохотный членик и стал чертить струйкой прямо по цветам. Вокруг клумбы все красивые светильники, на солнечных батареях, были разбиты.

– Бон, бон, бон! Бессама... Бессама муча! – по дорожке полз дядя Спирия.

– Андрюха, друг ситный! – бурно обрадовался он. – А я баиньки делал. Проснулся, смотрю, чего у вас тво... Ик!.. Творится? Набат, пожар, тарарам?

– Продрыхся?! – звонко, зло крикнула за Андрейкиной спиной живая – здоровая тётя Лариса Тыщенко – она, как выяснилось, отсиделась в погребе. – Урка недоделанная! Зэка безногая! Пьянь безмозглая! Харя гнойная! – Она ещё высыпала ворох замысловатых слов. – Ты что натворил, а?! Какую революцию своим поганым языком наплёл?

– Революцию?! – страшно изумился дядя Спирия. – Ёк-макарёк, о народ дикий. Шуток не понимает. Пошутить нельзя. Революция, чего выдумают.

– А кровь на пиджаке?!

– А, это... С корешем в пельменной. Кетчупом капнули.

КЛАДБИЩЕ ДОМАШНИХ АВТО

Иван Кирсанович славно провёл воскресный денёк. Семейй поехали на дачу, супруга Неонила Петровна занялась внуком Рустиком. Сам вскапывал уголок в саду. У соседей струился аппетитный дымок: делали шашлык из сёмги. И сразу за забором призывно замахали руки.

– Кирса-аныч! Петро-овна! К нам!

Закусывали водочку деликатесной рыбой, пели комсомольские песни. Сидели до ночи – и ещё бы сидели, да захныкал Рустик: признавал только свою постельку.

Иван Кирсаных, кряхтя, втиснул живот за руль. Он и раньше был не худенький, а на пенсии вдруг как-то быстро и неопратно растолстел. Ходил, отирая пот, отдуваясь: «Уп-па», нечаянно потрескивая на ходу. Смушался: «Виноват», «Извиняюсь», «Обеспокоил».

А что в нетрезвом состоянии за рулём... Во-первых, пол-литра – какой же это нетрезвый? Во-вторых, Кирсаныха на дороге знала каждая собака: начальник ГИБДД в отставке.

На пенсию ушёл по возрасту. Хорошо, достойно ушёл – что редко, почти невозможно для такой сволочной должности. Ивана Кирсаныха любили за справедливость, проводили с почётом. Вручили тематическую картину местного художника. Название актуальное: «Не вписались в поворот».

На большой картине – полтора на три метра – придорожная деревенька, живописно крутой изгиб трассы. Фуру здорово повело в кювет, но устояла. Тянет за собой запрокинувшийся двадцатитонный контейнер, колесо задрано в воздухе. Два заспанных детины-дальнобойщика стоят, широченно расставив ноги-столбы, крепко чешут в репах. Даже в могутных спинушках читается недоумение: «И как, едрит твою в дышло, нас угораздило?!»

Из низеньких воротец, опираясь на батожок, снизу вверх выглядывает на происходящее древняя согбенная, как её избёнка, старушка. Избёнка вросла рядом с дорогой в землю и кажется игрушечной рядом с колесом. Ещё метр – мокрог места бы не осталось.

Художник тщательно, профессионально выписал детали. За кривым забором угадывается кое-какой стариковский огород. Помятые гряды с картофельной ботвой, накренившиеся капустные кочаны – как живые.

Иван Кирсаных любил картину «Не вписались в поворот», повесил в зале. Гости тоже интересовались. Заложив руки за спину, по-петушиному скашивая головы туда-сюда, подолгу уважительно рассматривали, сильная вещь, говорили.

Домчались до города на одном дыхании. Только в одном месте сложный поворот, немало народу бьётся – для аса, как Иван Кирсаных, раз плюнуть.

У подъезда стояло такси. Сосед сверху, таксист Серёжка спал мёртвым сном, с детски открытым пухлым ртом. Даже дверцу не захлопнул, ногу в кроссовке не подтянул из дверного проёма. Где остановился, там в ту же минуту вырубился. Рация хрипела, диспетчер устало взывал: «Седьмой, ты где, седьмой?»

Иван Кирсаных неодобрительно покачал головой. Юркие городские такси для ГИБДД были как ёршик в заднице. Всю статистику назад тянули: что ни ДТП – то с участием такси. Шоферюги, с кроличьими от недосыпа глазами, гоняли по городу и району на скорости под двести. Время – деньги.

Иван Кирсаных осторожно вдвинул в салон Серёжкину ногу, прикрыл дверцу.

Неонила Петровна укладывала Рустика.

А Иван Кирсаных пожалел, что выпил лишку: диафрагма поджимала, набухшая печёнка упёрлась в ребро. Пробовал почитать на сон: попался растрёпанный Эдгар По, «Король

Чума» – не помогло. Обычно в таких случаях он поддевал под старый, не сходящийся на животе китель вязаный набрюшник. Заложив коротенькие толстые ручки за спину, хозяйски прохаживался по улице.

Иногда добредал до «скворечника» – бывшего поста ГИБДД. Забалтывался с ребятами, просиживал до третьих петухов. Петровна потом давала втык.

Рядом со скворечником, ещё по инициативе Ивана Кирсаных, был воздвигнут постамент. На нём – красноречивее всякой пропаганды – памятник разбитому авто.

Было дело, прямо на глазах сотрудников ДПС. Серебристая красавица «мазда» из свадебного кортежа, в кольцах и лентах, – классически, показательно, как в блокбастере, влетела в бетонное ограждение. Сзади её от души припечатала мчащаяся следом машина.

Что там от той «мазды» осталось – комок шоколадного серебра. Будто гигантский малыш шоколадку съел, а бумажку грубо смял в мячик.

Позже рядом водрузили ещё сладкую парочку. Лобовое столкновение: «окушка» врезалась в пассажирскую газель. Выглядывала оттуда попкой, как младенец из лона матери.

Потом пост перевели на кольцевую. А к памятнику уже стихийно волокли дорожный бой, не разбирая: колоритно – не колоритно. Глазом не моргнули – выросло настоящее автомобильное кладбище.

Местный железный король (кличка «Ржавый») огородил свалку, поставил вагончик, посадил туда сторожа. Иван Кирсаных, за неимением другого собеседника, скорешился со сторожем Николаем и с ним говорил «за жизнь».

Потом Ржавый осел то ли на личном океанском острове, то ли в тюрьме в Сибири. Опечатанная бесхозная свалка приходила в упадок. Покорёженные машины покрывались снегом, поливались дождём, прорастали осотом и пыреем, превращаясь в нагромождение ржавых островов.

Вот мимо какого печального места брёл сейчас Иван Кирсаных. И уже озяб, и подумывал: не вернуться ли ему под тяжёлый, тёплый неласковый бок Петровны...

Как заметил в окошках вагончика свет. «Хорошо бы это был Николай. Кому ещё в этот час здесь быть, как не Николаю?» – обрадовался Иван Кирсаных. Очень кстати было опрокинуть алюминиевую кружку с разбавленным спиртом, который всегда водился у сторожа, закутить мятым, в крошках скорлупы и табака, крутым яйцом, поболтать со старичком...

Он толкнул дверцу вагончика. Вот те на: народу – как семян в огурце. Сидят за сколочеными на скорую руку столами. Из знакомых на другом конце стола – таксист Серёжка, на каждом колене восседает по игривой девице. Махнул рукой: «Привет, дядь Вань».

Женщина, ближе всех к дверям, невзрачная, в платочке, потеснилась. Иван Кирсаных, усаживаясь, основательно её придавил («Уп-па! Виноват»).

– Вам водочки? Салатику? – ухаживала соседка.

– А что за мероприятие? – поинтересовался Иван Кирсаных.

– Мы иногда сюда съезжаемся, – пояснила женщина. – Из ваших тоже кто-то попал в аварию? Ну, их машина тоже здесь?

Всё понятно: что-то вроде совместной поминальной вечеринки. Публика собралась самая разномастная. Сидит плохонький мужичок, рядом расфуфыренная дамочка – и ничего, не морщится. Хотя запашок в вагоне стоит крепкий, с тухлецей – вроде квашеной капусты. Присутствующие дамы, пытаясь заглушить неприличный запах, буквально были облиты духами и обильно орошены дезодорантами, так что Иван Кирсаных расчихался.

Стол был накрыт, как бог на душу положил. Кто какую снедь с собой привёз – ту и выложил. В корзинках для пикника – пироги в промасленной бумаге. Селёдки, картошки в мундире и вышеупомянутая капуста в мисках соседствовали с утончёнными, красиво выложен-

ными блюдами. Рядом с трёхлитровыми банками с мутным самогоном – изящные, в вензелях и звёздах, чёрные бутылки.

И все друг друга гостеприимно угощают. Только одна дамочка замерла с наколотым на вилку кружевным ломтиком киви, подёргала носиком и говорит:

– Фи! Фруктовый салат порезали луковым ножом!

Посуда тоже с бору по сосенке. Кто-то пьёт из тонких бокалов, кто-то, не чинясь, из мятых одноразовых стаканчиков. Одни тыкают еду мельхиоровыми вилочками, другие – пластиковыми. Но всем дружно, душевно и весело: в рамках приличия, конечно, весело – поминки всё-таки.

Однако стоит кому-то возвысить голос, строго постучать вилкой по тарелочке – все дисциплинированно умолкают и уважительно смотрят в сторону оратора. Даже если оратор – соплюха в коже и бандане.

– Она вообще совершеннолетняя, для такой вечеринки? – шепнул законопослушный Иван Кирсаных соседке. Девица его услышала.

– Паспорт на руках! – невежливо заявила и покачнулась. – Вот и моя Светка справляла день соврешен... совращен...летия. И один такой же (брошен неприязненный взгляд на Ивана Кирсаных) слишком умный дядечка на её дне рождения встаёт и произносит тост. «Пусть, говорит, Светлана (девица всхлипнула), пусть, говорит, невестушка ты наша, тебе всегда будет цветущие 18 лет! Выпьем за это! Чтобы ты всегда оставалась таким бутончиком – розанчиком-симпапунчиком!». Нет, ну не кретин – желать такое?! Потому что (девица смахнула злые пьяные слёзы) ... желание сбылось! Добились своего, кушайте на здоровье. Невеста на байке упала в круты берега. Теперь ей вечные 18 лет. Навсегда осталась бутончиком-розанчиком. Всё, – она села.

За столом повисла сочувственная пауза. Повисела – и снова возобновились разговоры, деликатный смех, звяканье посуды. Среди шума выделялся и креп голос мужчины в спортивной курточке. Постепенно он завладел вниманием вечеринки.

– Вот мы... – он показал растопыренные, плохо отмытые пальцы с грязными ногтями, – люди простые, от земли. И соседи по даче спины не разгибают. Выехали, значит, соседи на машине по делам в город. А пекло с утра стоит, на солнце пятьдесят градусов.

На поддороге охнули: теплица не открыта, помидоры горят. Муж говорит: «Вернёмся». Жена: «Нельзя возвращаться – плохая примета». Муж, ясно, нервничает. Перед глазами у него увядшие, поникшие помидоры. Каждый куст как ребёнок выхаживал. Задумался и... пролетел на красный светофор. Царство небесное ему и пешеходу, что под горячее колесо подвернулся. Самое обидное: у жены ни царапины. Небось, дома эта дура в первую очередь теплицы открывать бросилась, потом уже в ритуальное агентство звонить. А двух хороших людей на свете нет. Слушай этих баб. Примета ей плохая.

Все вздохнули и выпили не чокаясь.

– А моей подруге, – это заговорила красивая дама, – в детстве цыганка нагадала смерть от осы. И экстрасенс тоже предсказала: остерегайтесь большого полосатого насекомого... Вообразите, так и вышло!

Все замолчали, даже руки с бокалами застыли в воздухе.

– Позвольте, – в полнейшей, гробовой тишине, кашлянув, сказал человек со шрамом. – Вы, кажется, новенькая? Вы нарушаете устав...

– Устав, устав! – закричали все гневно и повскакали с мест. Иван Кирсаных удивился, как обозлили гостей слова дамы. – Какая наглость! Из-за осы!

– Из-за осы, – подтвердила красивая дама. – Но выслушайте же до конца. Подруга с мужем ехала в машине из гостей. И вдруг вскрикнула таким диким голосом, что муж от неожиданности резко вывернул руль. Он, конечно, был изрядно пьян – а тут, вообразите,

ещё под ухом кричат. Машина опрокинулась на пассажирскую сторону... А муж потом действительно обнаружил осу: она-то и испугала жену, влетев в открытое окно.

Концовка истории вполне пришлась по душе присутствующим. Даме даже поаплодировали.

– Нет, что ни говорите, а всем им очень повезло, – с вызовом заявила блондинка (очень во вкусе Ивана Кирсаных, он ей всё подкладывал колбаски). – Секунда – и не успели толком ничего понять. Многие предпочли бы такую лёгкую смерть. И звучит красиво и трагически, правда? «Погиб в автокатастрофе». Не то что, скажем... умер от свиного гриппа. Фу!

Можно быть роковой красавицей, – развивала она свою мысль дальше, – но, представьте, красавице на голову падает сосулька. Все спрашивают друг друга, из-за чего она умерла. Им говорят: из-за сосульки. Хи-хи, сосулька. То есть, потом спохватятся и состроят траурное лицо, но первая реакция будет именно такая. Вот ужас, правда?! У всех в памяти ты навсегда останешься ассоциированной с сосулькой. Или со свиным гриппозным рылом.

И блондинка мечтательно нараспев повторила:

– То ли дело: «Погиб в автокатастрофе...» Или: «Погиб под колёсами автомобиля...». Тоже романтично.

Её речь вызвала большое одобрение у всех, только соседка в платочке загрустила. Тихонько тронула Ивана Кирсаных за руку.

– Как вы думаете, моему Костику ведь не было больно, правда? Он тепло был закутан, тогда зима была, – она начала перечислять, загибая пальцы: – Сначала маечка (от крови и грязи так и не отстиралась). Рубашечка клетчатая с начёсом, пуловер с зайчиком, жилетка двойной вязки. Шубка мутоновая, штанишки стёганные... Вот я всё думаю: Костику не было очень больно, правда? Жилетка-то двойной вязки, – особые надежды женщина возлагала почему-то на жилетку.

Иван Кирсаных не знал, что на это сказать. Блондинка ему шёпотом сердито объяснила: «Чего тут не понять? Сынок у неё под джип попал». И очень спокойно, даже грубовато обратилась к женщине:

– Господи, она сомневается. Ну, сама попробуй: защеми дверью голый палец – или толсто забинтованный. Есть разница?

Они вышли из-за стола и тут же поэкспериментировали. Замотали палец женщине сначала носовым платком, салфеткой и потом ещё подолом юбки (а ведь на Костике шубка была и жилетка двойной вязки – никакого сравнения). И несколько раз с силой прихлопнули дверцей вагончика.

«Совсем, совсем не больно!» – женщина тихо просияла и медленно пошла вдоль стола, шепча что-то под нос и торжественно неся укутанный палец перед собой. Но уже через минуту, видимо, забыла про эксперимент. И уже с другого конца стола слышалось: «Правда, моему Костику не было больно? На нём была маечка, пуловер с зайцем и т. д.»

Тут-то Иван Кирсаных вспомнил. В соседнем дворе джип, разворачиваясь на детской площадке, задавил мальчика Костика. Но ведь и маму подмяло под машину, и она тоже... того. Жмурик. Откуда здесь её двойник? Иван Кирсаных смутился.

А веселье за столом нарастало, вино ударяло в головы, голоса набирали силу, языки развязывались.

– Светочка, вы снова перепьёте, как в день своего восемнадцатилетия, – сладко обратился к юной байкерше человек со шрамом.

– В жизни раз быва-а-ает

Восемна-а-адцать лет! – оглушительно грянули гости песню Пахмутовой. Они обняли друг дружку за плечи и закачались, как в игре «Море волнуется – раз, море волнуется – два».

– Ай, оса, оса! – взвизгнула красивая дама и в ужасе замахала руками. Но её успокоили, что это всего лишь муха.

– Нет, вы подумайте: на моей жене ни царапины! – возмутился огородник.

– Не стоит так нервничать, – уговаривали его со всех сторон, – ведь никого из нас уже нет!

– Напротив! – не соглашался кто-то. – Именно теперь можно нервничать сколько угодно – ведь нас всё равно уже нет!

«Раз их всех нет, значит... И я? И меня нет?! Иначе как я здесь оказался?» – ужаснулся Иван Кирсаныч. Кое-как, частями выбрался из-за стола и, под шумок, покинул вагончик. А уж там припустил к дому, со свистом астматически дыша, потрескивая на бегу, отдуваясь: «Уп-па!»

Дома опустошил чекушку водочки из холодильника, юркнул в постель к Петровне – и провалился в сон.

– Что с тобой, Ваня? – тревожно спрашивала на следующий день жена непривычно понурого Ивана Кирсаныча. Спихватилась: – Да, слышал, у верхних несчастье? Серёжка насмерть разбился. Сколько ему говорили: носишься как чёрт.

После обеда Неонила Петровна стала торжественно наряжаться.

– Как куда? На вечеринку, забыл? Я твой чёрный костюм отпарила, белую рубашку нагладила. Поди вымойся как следует, чистое бельё я приготовила.

Иван Кирсаныч как неживой дал проделать над собой все манипуляции. Был уже вечер, темнело. Они вышли торжественно под ручку. Иван Кирсаныч ещё надеялся на лучшее. Но супруга решительно повела его от дома в сторону автомобильной свалки.

«Значит, когда ехали с дачи... Не вписались в поворот. Хорошо, хоть с внуком всё в порядке...».

Но Неонила Петровна, проходя мимо детского сада, резко свернула туда, бросив:

– Обожди, я за Рустиком!

Господи, только не это! Иван Кирсаныч привалился к детскому заборчику и горько заплакал. Плакал он о людях, бездумно играющих в железные машинки и в собственные тёплые жизни. Плакал навзрыд о стране, где мертвецы веселятся как живые, а живые оцепенели как мёртвые. Но дети, дети за что?! Как бык на заклание, покорно повесил он лобастую голову.

Когда подошла запыхавшаяся Неонила Петровна с Рустиком, он уже был спокоен и готов. Взял внука на руки, крепко поцеловал в тугую холодную детскую щёчку. Понёс его к вагончику, где приветливо по-вчерашнему светились окошки.

– Вань, ты куда?! – рассердилась Неонила Петровна. – Последний ум пропил? Мы же к Коструйкиным на юбилей!

Иван Кирсаныч так и встал посреди дороги. Утёр ладонью мокрый лоб: «Ф-фух». Постоял. И нечётким строевым шагом последовал за супругой. На юбилей к Коструйкиным.

БАШНЯ АТТРАКЦИОНОВ

С трудом раздобытый номер мобильного не отвечал. Пришлось подкараулить её после работы. Из институтской проходной вышла миниатюрная хрупкая женщина в туго подпоясанном светло-бежевом плащике. Короткая пышная, лакированная стрижка – как тронутый седой изморозью цветок марагаритки. Большие вопросительные глаза на маленьком личике. Женщина – Дюймовочка. Смотрит снизу вверх, так что квадратные очки съезжают с крошечного птичьего носика:

– Это вы та настырная особа из газеты, которая рвётся со мной встретиться? Как с кем вы хотели со мной встретиться?

– Как с матерью, столь ужасно потерявшей сына...

Она повторила раздумчиво, медленно:

– Как с матерью. Столь ужасно. Потерявшей сына. – Устало удивилась: – Вы это печатать хотите? Со всеми несчастными матерями уже встречались? Или решили начать с меня? Господи, зачем вам это? Хотя ведь не отстанет, – тряхнула лакированной головкой: Где встретимся?

– А давайте прямо и в Башне Аттракционов.

– Понимаю, – горько усмехнулась женщина. – Мрачная, жуткая, душераздирающая атмосфера. Этого ведь ждут от вас читатели? Крови, боли, чужого страдания? Мало вам... Но разве башню не закрыли?

– После случившегося вход опечатали. Но охрану, кажется, сняли.

До Горбачёва, по генплану наш город к 2015 году должен был вырасти – и, несомненно, вырос бы – в три раза. Там, где сейчас болота и непролазный ивняк – стояли бы кварталы гулких розовых многоэтажек. Между ними, как грибочки, теснились бы крепкие весёлые семейства садиков и школ, уютно звенели трамваи.

Трамваи в наш город так и не пришли. Город стремительно стареет и растёт в обратную сторону. Усыхает, съёживается, мумифицируется, как мёртвый плод.

Так вот, о запланированной, но не рождённой, призрачной части города. Чтобы обеспечить её теплом, старых мощностей не хватило бы. Над городом всегда висела дымка, в последнее время в ней слышался стрекозиный треск вертолётов. На окраине воздвигалось нечто выдающееся, из ряда вон.

В воздухе на серебристых паутинках тросов с обманчивой лёгкостью зависали бетонные кольца, издали похожие на обручальные. В один ясный ветреный день горожане подняли головы и ахнули: на окраине, словно по мановению волшебной палочки, взметнулась труба новой ТЭЦ. Вершина дебелой красавицы таяла в голубом небе.

Но тут подоспела перестройка. Некоторое время заброшенная бетонная красавица пребывала в унынии и недоумении. Покачивалась, отклоняясь вершиной от оси на положенные при её росте и тучности 1, 5 метра. Вскоре у башенной туши снова засуетились, как муравьи, люди с техникой и нужными бумагами. Бумаги были подписаны неким малоизвестным Фрумкиным – из молодых да ранних птенцов Ельцина.

Бумаги давали отмашку: тащите, сколько сдюжите. Что не взорвал тротил, и не увезла тяжёлая техника – растаскали в багажниках и в тачках горожане. Труба, построенная на века, продолжала стоять плакатно, прочно: у мародёров кишка была тонка её свалить. Разодрали, распотрошили лишь её тонкую обивку, оболочку.

Спустя время неугомонный люд вновь нарушил сон спящей железобетонной красавицы. Успешный бизнесмен и депутат, миллиардер Фрумкин долгосрочно арендовал башню. Разу-

меется, после того, как строгая экспертиза доказала прочность и безопасность несущих конструкций.

В один прекрасный вечер горожане в очередной раз ненадолго очнулись от летаргического сна и протёрли опухшие сонные глаза...

Перед ними нарядно переливалась опоясанная огнями, бегущими строками, музыкой, рекламными табло, башня. Она сразу стала яркой, лёгкой, кружевной.

За многие километры над сонными холмами и ельниками, над тонущими во тьме и грязи фермами и избёнками, где крестится высохшей рукой разбуженная простоволосая старушка – зазвучали размноженные эхом вкрадчивые голоса зазывал:

– Дамы и господа! Леди энд джентльмены! Уважаемые гости города... Ждём вас на неслыханные развлечения!

Будучи патриотом местного розлива, Фрумкин сделал шикарный предвыборный жест: разрешил землякам одноразовое бесплатное посещение башни.

Кто там бывал, захлёбываясь, рассказывал о снующих вверх-вниз прозрачных, святящихся изнутри крошечных яичках лифтов. Там стеклянный пол под ногами так чист, что его не видно вовсе. Ноги точно висят в воздухе, а сердце яблоком подкатывается к горлу. Лес кажется кудрявой травкой, река – затерявшейся в травке девчоночьей шёлковой ленточкой. Дороги выглядят муравьиными тропками, а город – разбросанными маленькими деталями «лего».

Башня Атракционов заимела бешеную популярность. Сюда со всех сторон слетались частные вертолёты, тряслись по ухабам внедорожники, и пробивались сквозь дремучие леса и непроходимые болота вездеходы.

В подвалах башни размещалось казино «Вечная ночь». Чёрные бархатные драпировки, треск игральных аппаратов, звон сыплющихся монет, жужжание рулеток, оглушительные стрельялки... Никогда не пустовали бары, рестораны, сауны, роскошные номера для гостей и массажные кабинеты.

Для любителей ужасиков узкая винтовая лестница вела в боковой полуосвещённый коридор с настоящим привидением. Привидение зависало в воздухе, фосфоресцировало, материализовалось буквально из камня и в камне же исчезало. Развевался саван, опаживая лица ледяным могильным дыханием.

Был аттракцион «Грот соколовиц». Смельчаков встречали равномерно, с лязгом смыкающиеся громадные зубастые пасти акул и доисторических рептилий...

Башню обвивала крутая спираль водяных горок.

На бешеной скорости с грохотом носился паровозик: вагончики с обманчивой шаткостью описывали круги по рельсам, висящим в воздухе. Самые отважные прыгали на тарзанках вниз, упруго подскакивая и раскачиваясь, как гуттаперчевые пауки на резинках.

На мостике повыше, обустроенном для бейсджампинга, толпился народ солиднее, при специальной амуниции.

Были русские качели с расписными лодками, в которых взмывали под облака визжащие компании. Для экстремалов предлагались так называемые детские качельки: простая изломатившаяся верёвка с узенькой дощечкой. Внизу, в соответствии с техникой безопасности, растягивалась страховочная сетка. Говорили, за дополнительные деньги (желание клиента – закон) страховка убиралась.

Уводили в бездну узкие, как стрелы, балки и стропы, где дурачились и кривлялись, снимая себя на камеры, безбашенные руферы.

Ходили ещё разные чудные слухи о тайных развлечениях, закрытых клубах для своей, проверенной, ищущей выброса адреналина клиентуры.

Была так называемая площадка для самоубийц, желавших с комфортом свести счёты с жизнью. Человек выпивал бокал хорошего вина (бонус от заведения), заказывал любимое

блюдо и любимую мелодию. Рассеянно выкуривал последнюю сигарету, стряхивая пепел в бездну под ногами. Задумчиво покачивая башмаком, любовался на горизонт, где огоньки города сливались со звёздным небом... Красиво, чёрт побери: любой каприз за ваши деньги.

Затем вставал на выступ с прорезиненным покрытием (чтобы не поскользнуться и не оконфузиться в самый ответственный момент) – и сигал в черноту ночи. Не подозревая, что в метрах пяти внизу уже бесшумно выполз готовый принять его в свои объятия упругий тент...

Сюрприиз! Ну, конечно, дежурил штатный психотерапевт: отдельные клиенты слабее после такого аттракциона нуждались в его услугах всю жизнь.

Также (по слухам, господа, по слухам!) за отдельную плату тент мог и «забыть» выползти. В этом случае у подножия башни, якобы, ждал дворник со шлангом замывать асфальт. Дежурила частная «скорая»: констатировать смерть и подбросить тело к какой-нибудь городской многоэтажке.

На самой высокой 260-метровой точке располагалась смотровая вышка «С высоты птичьего полёта». Здесь неистовый дружище-ветер рвал, надувал пузырями одежду, сбивал с ног... Клиенты в весёлом ужасе перекрикивали гул ветра, цеплялись друг за друга и за низенькие, ходящие ходуном символические перильца.

И ещё было много всяческих аттракционов: Фрумкин умел выжимать копейку из камня – не то, что из высоты.

Первым закрыли аттракцион «Привидение» после того, как в тёмном коридоре исчез пьяненький гость. Его нашли случайно: из-под отвалившейся штукатурки высунулся истлевший кусок брюк. Привидение – он же отставной спившийся актёр муниципального театра – на допросе сознался, что замуровал гостя заживо.

Правда, в суде он кричал, что не виновен, но... Преступники все это в суде кричат. Его поместили в психиатрическую клинику, откуда он сбежал – и буквально растворился, растаял, ещё раз подтвердив, что был рождён для роли привидения.

Благодаря вызубренной роли, он прекрасно знал внутреннее устройство Башни и подземных коммуникаций, и был неуловим... В скором времени вскрылись странные – не по своей воле – случаи падения клиентов с «площадки самоубийц». Фрумкин замая инцидент, но тучи над его бетонным детищем сгустились.

Слухи о таинственных смертях в Башне распугали клиентуру. Индустрия экзотических развлечений пошла на убыль. Потом одну истерзанную в хлам бизнес-вумен, старушку с голубыми волосами, как у Мальвины, вытащили из зубов робота-акулы. Поролоновые акульи зубы были тут не причём: её будто провернули в мясорубке.

Башню распорядились закрыть. Фрумкин недолго горевал о пропавших миллиардах и удрал за границу, от греха подальше.

Созвали экстрасенсов на мистическом ТВ-канале. Они договорился до того, что объявили башню символом разрушенной социалистической экономики. Якобы за неё мстит некий идейный сумасшедший язычник и приносит жертвы своей могучей поруганной богине.

Заезжий знаменитый маг, в свою очередь, организовал на радио цикл передач о злобном гомункуле-убийце. Его породил не появившийся на карте, канувший в доперестроечной дымке город-призрак.

Однако люди продолжали исчезать в Башне Аттракционов совсем не призрачно. Кажется, маньяк и впрямь имел к башне слабость, скучал о ней. Дабы не распространять панику, местным СМИ запретили упоминать башню в криминальных новостях. Но это лишь подогрело слухи.

Передаваемые из уст в уста подробности зверств обрастали такими деталями, от которых у нормального человека съезжала крыша. Ясно было одно: несчастным, попавшим в лапы серийного убийцы, оставалось молить о как можно менее мучительных и более скорых смертях. Увы, судя по данным судмедэкспертиз, они растягивались для бедолаг надолго.

В моду вошло носить на шее, вместо медальонов, капсулы с порошком «Антиманьяк». Якобы в растворимых капсулах находился то ли быстродействующий яд, то ли золотая доза наркотика – на случай, если душегуб утащит тебя в своё логово. Ам – и лапки кверху, и ты уже с того света гримасничаешь и дразнишь распухшим лиловым языком обескураженного маньяка: э-э, что, обломилось, псих?

Капсулы можно было достать только на чёрном рынке, и ценились они на вес золота. Хотя, скорее всего, в них был насыпан толчённый мел – поди, проверь. Не исключено, что неугомонный Фрумкин из-за границы делал на поставке антиманьячных капсул очередные бешеные деньги.

Власти, что называется, расписались в собственном бессилии. Город прочно оккупировал страх.

Нужен был человек, который бы сколотил вокруг себя группу таких же отважных сильных людей, организовал что-то вроде народной дружины. Объявил на маньяка народную охоту.

Ветер посвистывал в башенных окошках-бойницах, раскачивал остатки скрипучих лесенок и тросов, трепал сухой бурьян вокруг. Громоздились вывороченные бетонные глыбы, опутанные торчащей ржавой арматурой... Вот что осталось от гигантской, величиной со стадион, градирни и корпусов ТЭЦ.

Когда-то Фрумкин с умыслом оставил их как внешние декорации – и не прогадал. Гости из-за бугра цокали языками и щёлкали на мобильники величественные и ужасные останки социалистического колосса. Лучшего места для съёмок фантастического фильма о ядерном взрыве или падении метеорита было не найти.

Я предложила женщине укрыться от ветра внутри башни. Мы точно ступили внутрь гигантского часового механизма. Здесь навсегда застыли громадные ржавые шестерни, маятники и пружины, когда-то приводившие в действие головокружильные фрумкинские аттракционы.

Что-то из гнилой капиталистической роскоши было вынесено, что-то сломано. Выпотрошенные бархатные кресла, обломки барных стоек из полированного красного дерева, бронзовые завитки канделябров, куски мраморных статуй... Всё это напоминало сухопутный «Титаник», раздавленный не айсбергом, а Его Величеством Временем.

Бетонные стены, кажется, ещё хранили отголоски недавних весёлых ночей. Эхо оживлённых возгласов и кипения шампанского, обрывки музыки, стук бильярдных шаров. В пыльных тенётах запутался обворожительный женский смех...

Моя спутница боязливо вздрагивала и озиралась при громком хрусте битого стекла и извёстки под каблуками. Оглядывалась и повторяла: «О, не стоило нам сюда приходить».

Видя, что я продрогла, нерешительно предложила горячий кофе. Поболтала остатки в маленьком термосе:

– Осталось с работы. После той трагедии по ночам стойкая бессонница. Днём, если себя не подстегну, с ног валюсь.

Тёплым майским днём вместе с другими родителями она сидела в сквере перед школой. Ждала, когда на крыльцо с весёлым весенним гомоном выплеснутся выпускники с алыми лентами через плечо – вместе с ними её Максимка.

Тут же молодые мамочки выгуливали своих малышей.

– Сынок, не уезжай далеко!

Пухлый шустрик лет четырёх, гордо крутя педали толстенькими ножками, нарезал круги вокруг школы. Новенькие велосипедные колёса сверкали как солнышки.

– Сынок, пора домой!

Давно ли её Максимка так же гонял здесь на трёхколёсном велике... Правда, тогда в голову не приходило тревожно окликать детей каждую минуту, быть настороже, глаз не спускать. Время было другое.

Солнце зашло за облако. Широкая тень напозла на посеревшие кусты и дорожки, и сразу женщины знобко передёрнули плечами, стали накидывать кофточки.

– Мальчика не видели? – испуганно спрашивала всех молодая мать. – Он на велосипеде за школу заехал, буквально минуту назад? Там, кажется, люки неплотно прикрыты...

Территорию вокруг школы усыпали встревоженные люди. Среди них нарядными пятнышками выделялись выпускники с лентами и цветами: с вмиг посерьёзневшими нахмуренными лицами, вмиг выдернутые из беспечного детства.

Максимка с друзьями лазил в канализационные шахты, перепачкал костюм и белоснежную рубашку. Он первым и наткнулся на пацанчика, вынес его на руках.

И быстро отошёл в сторону. Мать пригнула, притянула к себе сыновнее побледневшее, осунувшееся лицо. Максим морщился и отворачивался, чтобы скрыть слёзы.

Он всегда был таким – будто его выдернули из позапрошлого тепличного века. Вступая в спор, отстаивая свою точку зрения, он задыхался от волнения, лицо шло нежными розовыми пятнами. Когда классом ехали в автобусе – даже девочки разваливались. Всакивал один Максимка, учтиво одёргивал штопаную курточку и уступая место старикам. Стойко сносил насмешки одноклассников:

– Ой-ой, какие мы вежливые!

– Слизняк!

– Лыцарь старушечий!

Престарелая учительница говорила матери: «Берегите его – такие горят за идею». И, отходя с трясущейся головой, суеверно бормотала под нос: «Такие ангелы не живут долго. Нет, не живут». Что с неё взять, старая маразматичка?

Пропала Максимкина девушка. Они собирались на пикник. Но декан упросил его пошарить в каталогах институтской библиотеки в поисках какой-то древней книги. Тело девушки нашли вздетым на крюке высоко в теле Башни. Издали казалось, что на вешалке болтается короткое весёленькое, в горох, платьице.

– Мама, это я виноват! Мама, если бы я был с ней – этого бы не случилось! – Максим бился в материнских руках.

До того он неделю лежал вытянувшись на кровати, со стиснутыми кулаками: когда их разжали, в ладонях от впившихся ногтей остались рубцы. На восьмой день он всхлипнул и разразился мальчишескими ломкими рыданиями. Мать плакала с облегчением – их слёзы смешивались на слепо-щенячьих тычущихся друг в друга мокрых лицах.

Поздней осенью она узнала, что сын с друзьями сговорились дежурить у Башни: устраивать ловушки, засады на маньяка, самим выступать в роли подставы.

– Не пушу, и не думай!! – крикнула она. – Это не ваше дело! Пускай полиция занимается!

– Я совершеннолетний, мама. Я изловлю эту мразь и приволоку на городскую площадь.

Та зима казалась бесконечной, а ночи бессчётны. Каждый час она набирала в телефоне номер Максимки. Тот смеющимся (всё для них игра, что взять с мальчишек: охотники за маньяком!) шёпотом отчитывал её:

– Ма, из-за тебя мы никогда его не поймаем. Все мамы как мамы, одна ты... У него звериный слух, он даже вибрацию телефона может учуять... Ты всегда ругалась, что я мало провожу времени на свежем воздухе. Считай, у меня ночной моцион. Всё, целую, ложись спать.

Какое спать. Однажды его телефон не ответил. Она не забилась в истерике, как другие матери юных сыщиков, у которых также в эту ночь замолчали сыновние телефоны.

Страшно, грешно признаться, но она подспудно, со страхом ждала этого, мысленно давно была готова к худшему. Сжимала тёплую нагретую трубку, будто это была рука Максима, последняя связь с ним. Она могла поклясться, что на миг экранчик высветился, и донёлся его далёкий крик: отчаянный, изумлённый, полный муки.

...Какие-то мужчины неловко, неуклюже топчась, толкаясь, мешая друг другу, внесли в спальню на второй этаж тело сына. Она видела запрокинутое белое, без кровинки, милое лицо. Отчего-то казался огромным каменный лоб с запёкшейся кровью. В рассыпанные густые волосы набился и не таял плотный мартовский снег.

Она приказала всем уйти, накинула цепку, повернула ключ. Тяжкой старухиной поступью поднималась вверх по лесенке: исхоженной, истёртой милыми быстрыми ногами. Жить не имело смысла.

– Не плачь, – услышала над собой милый, бесконечно милый, ясный, спокойный голос. – Я жив.

Сверху вниз на неё смотрел Максим. Хорошо, что она нащупала спиной стену и сползла по ней на ступеньку – иначе расшиблась бы насмерть.

– Мам, дай, пожалуйста, кровоостанавливающие салфетки, – просто попросил он. – Пришлось себя немного порезать, чтобы не вызвать подозрений. Как бы не подхватить стобняк.

– Жив?! Господи, жив!.. – взрыдала она. – И ребята живы?!

– Они оказались глупы и доверчивы, как кролики, – сын промокал окровавленный лоб, озабоченно рассматривал запачканную руку. – Я, одному за другим, подкидывал им мысль, что маньяк находится среди нас. Заметь, я не лгал. И они охотно поверили в триллер про Чужого и по очереди рьяно помогли мне нейтрализовать друг друга! Это было так любезно с их стороны.

– Значит, это ты... С самого начала делал зло. Зачем?!

– Зло не имеет объяснения, – нехотя, буднично сказал Максим. Он устало опустил на корточки, свесив натруженные сильные, молодые руки. Рядом бережно уложил нож в каких-то засохших бурых ошмётках, и то и дело поглядывал на него.

– Зло бесконечно и бессмертно. Оно зародилось вместе с человеком и уйдёт вместе с человеком. Требовать, чтобы не было зла – то же самое, что требовать исчезновения человечества.

Привалился к стене, прикрыл веки.

– Борьба со Злом бессмысленно, ибо оно не существует в природе как самостоятельное явление. Зло всего лишь олицетворяет отсутствие чего-либо, в данном случае – Добра. Как, допустим, темнота – ничто иное, как отсутствие света. Холод – суть отсутствие тепла. Смерть – суть отсутствие жизни... Без смерти не будет жизни. Без зла будет выхолощено понятие самого добра, ибо ему нечему будет противостоять. Таким образом, я способствую порождению Добра.

– Откуда в тебе столько безжалостности?!

– Странно жалеть то, чего нет, ма. Жалеть нужно живых. Тех, кого *наметила в жертву* судьба – их уже нет, это полуфабрикат. Я вывел теорию: человек умирает ещё до своей смерти.

Я смотрел в их глаза. Это были мёртвые глаза. Мне лишь оставалось довершить дело до логического конца. Я смертельно устал от *миссии довершить дела*, мама. А впереди ещё столько *дел*, – пожаловался он, как ребёнок. Так, бывало, он подбегал к ней маленьким и подставлял тёплую вихрастую голову – чтобы подула и погладила.

Ветер, залетевший в оконный провал, подхватил, опрокинул, загремел опрокинутым, покотившимся пустым термосом. Мы обе вздрогнули.

– Я знаю одно: мой мальчик страдает. Он, такой тонкий и впечатлительный, не выживет в тюрьме... Но вы слышали: убийства продолжаются? – оживилась она. – Они доказывают: мой мальчик не виноват!

– Это слухи.

Она топнула туфелькой:

– Не слухи! Не слухи! Настоящий маньяк находится на свободе! И только продолжающиеся аналогичные преступления обеспечат моему сыну алиби. Судьи поймут ошибку и оправдают его. Поймите: я мать, – жарким шёпотом, сообщнически сообщила она. – Вы на моём месте поступили бы так же. Кто, кроме меня, поддержит моего мальчика? Я просто обязана, обречена продолжать его *дело*. Я честно предупредила вас, что не стоило сюда приходить.

Я плохо понимала её. У меня кружилась голова, частил пульс: явно подскочило давление. Женщина сочувственно взгляделась в моё лицо. Поправила на озябшем носике очки, жалко, заискивающе улыбнулась:

– Вам плохо? Это действие кофе с транквилизатором, – она разжала кулачок. Показала весело поблёскивающие разноцветные, как драже, «антиманьячные» капсулы. – Вот. При случае набрала впрок... Прилягте тут, где чище. Потерпите немножко, – попросила она извиняющимся тоном. – Вам не будет сильно больно, обещаю. Я никого зря не мучаю. Ровно столько, чтобы воспроизвести почерк Максима. И не бойтесь смерти: поверьте, она покажется вам самой мягкой, самой ласковой и желанной подушкой.

Она не спеша расстелила газетку, прижала её по краям кусками кирпича. Раскрыла сумочку и деловито принялась раскладывать что-то вроде содержимого маникюрного набора: пилки, кусачки, кривые пинцеты, острые блестящие ножнички. Она даже рассеянно замурлыкала под нос. Вот поправила съехавшие очки и задумалась над выложенными на газетку инструментами... Так глубокомысленно задумывается хозяйка над вынутым из духовки пирогом.

Сквозь смежающиеся сами собой веки я смутно видела: маленькие ручки не спеша облачились в медицинские перчатки, пошевелили латексными пальчиками. Перед моим лицом закачалась петля из пояса от светло-бежевого плаща. Женщина проверяла её на прочность, подбрасывала, туго покручивала в воздухе.

Когда она успела снять пояс? Хотя это уже не имело ровно никакого значения.

АГОРАФОБИЯ

Людочка (от клички «Людоед», ст. 111, 126, 105, 131, 132, 244 УК РФ) проснулся за полчаса до пробуждения. Что-то светлое, задушевное, подзабытое за ночь, какая-то радость слабенько грела душу. Её следовало аккуратно, не спугнув, едва касаясь, не помяв хрупких крылышек, не дав растаять, извлечь из сонных тёмных глубин мозга.

Он поискал в памяти и нашёл её, радость. Даже две. Вчера вечером по радио России передавали о людях, погребённых под обломками обрушившегося многоэтажного дома. Взрыв бытового газа. У них, что ни случись – всё взрыв бытового газа. И ещё на трассе в Нечерноземье крупное ДТП с десятком погибших.

Вообще, случаи с природными катастрофами, падениями самолётов, крушениями мостов, авариями и проч. – подпитывали Людочку энергией, давали силы жить дальше. Иначе бы совсем кирдык. А так тесная вонючая камера даже начинала казаться уютным и надёжным убежищем. И его собственное положение выглядело не таким безысходным.

Кто-то в это самую минуту рукой-ногой не шевельнёт, размазанный бетонной плитой. Кого-то автогенном вырезают – а он, Людочка, перед завтраком нежится под казённым одеялом. Мысленно хихикнул, взбрыкнул под одеялом, подтягивая ноги к животу: принял позу эмбриона.

Жаль, что такие случаи были редки, и жертв было маловато. И, как бы трепетно, бережно не относился Людочка к подобным новостям, как ни смаковал – они, как сахарные косточки, – до обидного быстро обсасывались, теряли вкус. В любом случае, сегодня насыщенный, омытый смыслом день обеспечен. А не за горами новые ЧП. Будет день – будет и пища.

Гнусавый треск звонка заставил ос (осуждённых) по всем камерам вскочить. Бесшумно – пока не раздались чеканные шаги в коридоре и не сверкнул железный кругляшок дверного глазка – заправить шконки. За спиной Людочки усиленно копошился сокамерник по кличке Седой. Тщательно выравнивал и натягивал прямоугольничек серого одеяла, как зеркальце. Отступал – и снова суетливо бросался поправлять одному ему видимую шерстяную рябь, снимать какие-то пушинки.

С самого начала Седой Людочке не нравился. Не сразу до птенчика дошло, что замурован, заживо похоронен в каменной клетке: три шага вдоль, четыре – поперёк. Что никому в целом мире до него дела нет, что это – навсегда. Воображал, небось, что там, на воле, сходят по нему с ума, бросаются к компьютерам и радио: как там наш Робин Гуд? Когда дошло, что на фиг никому не нужен, что ни за понюшку табака молодую жизнь в топку сунул – волосы поседели в одну ночь.

Давно, ещё в первые дни, Митя перемножил 25 лет на 365 дней. 365 дней на 24 часа. 24 часа на 60 минут. 60 минут на 60 секунд. Каждая секунда, умирая, приближала призрачную свободу. Но с каждой секундой отмирала и сама жизнь, выхолащивая смысл ожидания. Нелепо, дико. Зачем ложиться строго в десять вечера? Вставать в шесть утра? Зачем всё, если уже незачем?

Пройдёт 3650 дней – разрешат ходить на работу, шить робы и тапочки. Пройдёт ещё столько же – позволят в камере телевизор. Изменится ТВ к тому времени или останется таким, каким его помнил Митя? На экране сплошь свиные рыла, и хотелось, как у Чехова, с тоской возопить: «Человек! Выведи меня!»

Тяжелее всего было с молодым накачанным телом. Слишком много его, тела – некуда девать. Самые лучшие дни – когда Митя тяжело заболел. О, вот бы так на долгие годы забыться в бреду, метаться в сорокаградусном жару, плыть в волнах красного мутного жара, в воспалённом сознании забывая реальность.

Но он выздоровел и больше не болел. Только иногда, откусывая хлеб, обнаруживал во рту звякнувший камешек: очередной зуб без боли, сам собой выпадал из размячённой десны. И рядом, если осторожно тронуть языком, шевелился в гнезде следующий.

Не помогал проросший болезненный, зеленовато-бледный – тоже заключённый здесь – чеснок. Он рос в подвешенном под потолочным окошком в полиэтиленовом мешочке с горсточкой земли, тщательно смачиваемой водой из-под крана. Такой же мешочек, по другую сторону окна, заботливо висел у Людочки. Такие висели по всем камерам у ос.

В четырнадцать лет Митя понял, что всё, кроме духовного – есть тлен. И с острой жалостью и недоумением смотрел на отца и мать, тративших единственную, неповторимую жизнь на смену обоев в квартире, на выбор брусчатки для дачи. Делавших это с такой страстью, словно от этого зависела жизнь. Оживлённо прикидывавших, какой кухонный гарнитур с зарплаты купить, какие серёжки для матери на день рождения, увлечённо обсуждавших покупку одежды, мяса на ужин.

И сторонился, и стыдился, и огрызался на отца, меняющего очередного крутую тачку на ещё более крутую. Сам он, выдержав все обидные и насмешливые слова от друзей и родителей, три летних месяца носил задёрнутый до подбородка дешёвый спортивный костюм и кроссовки, найденные на мусорке и самолично постиранные, и подружился с дворовым бомжем Пашей. Только 1 сентября заставило его надеть строгую форму физико-математического лица. Над ним смеялись – а ему было до слёз жаль людей.

В шестнадцать лет автостопом, с рюкзачком изъездил полстраны от Урала до Дальнего Востока. Пока мать ночами сходила с ума, тряся в кабинах грубых дальнбойщиков, с переменными сентиментальными занавесками с фестончиками и бахромой. Лобовые стёкла напоминали сувенирные витрины, густо увешанные бусами, мягкими игрушками, распятиями, голыми красотками и даже новогодними гирляндами.

Слушал разговоры у вечерних костерков, рассказывал сам – его заслушивались. Одобрительно били по плечу: «Ну, студент, даёшь!» В знак поощрения протягивали шампур с дымящимся подгорелым мясом.

Краснея от слёз, под ржание мужиков, пулей вылетал из кабины, когда туда, пыхтя и сверкая капроновыми ляжками, карабкалась малолетка плечевая. Уходил далеко в лес, чтобы не слышать постыдной возни в кабине. Бродил до тех пор, пока ему не кричали: «Студент! Сеанс окончен, едем дальше».

Он прошагал тысячу вёрст по сибирским сёлам, прибавшись к печнику со странным именем-кличкой Шаргя. При малом, лилипутском росте у того на могучих плечах лохматилась огромная башка, как у гриба моховика. Шаргя талантливо, влюблённо клал звонкие жаркие печи. После смывал грязь в гостеприимной хозяйской бане и на неделю пускался в загул.

В 21 год перед Митей, как в былине, встал камень на четыре пути.

Первый: валить из страны, куда глаза глядят. Но разве он крыса какая, преступник, чтобы позорно дезертировать? Ну, рванут все в чистенькие, тёпленькие сытые, обустроенные кем-то до них чужие страны. А свою кто будет обустраивать?

Второй путь: принять правила игры. Стать массой, не задавать лишних вопросов, рожать детей и проедать их будущее – стать частицей многоголового, многорукого, равнодушно чавкающего Кроноса.

Третий: выйти на площадь, кататься и биться головой от безысходности – да хоть закричись, разве что пришлют машину из «дурки».

Четвёртый...

О чём они, единомышленники, только не говорили... О смерти, о любви, о торжестве Князя Тьмы на земле. О трубах, возвещающих о великой битве...

У Игоря (князь Игорь, называли за глаза руководителя группы) – необъятные плечи и грудь: только тяжёлой кольчуги не хватало. Синь глаз, спутанные каштановые волосы. Умная и горькая, в тонких морщинках ироничная улыбка... За эту улыбку не раздумывая шагнули бы за Игорем в огонь. И шагнули.

Игорь вручил ему пакет с «бомбой»: подложить к ларьку. Буднично пояснил:

– Пукалка. Акт устрашения. Ярко выраженный шумовой и световой эффект. Припугнём торгашей.

В том ларьке стационарно торговали героином, оружием, русскими девчонками – о том знал весь город.

Игорь соврал. Бомба оказалась не пукалка. Пролилась кровь.

После приговора к клетке с юными пожизненниками, цокая копытцами, за своими тридцатью сребрениками набежали репортёры с камерами и диктофонами: невидимые волосатые хвостики от возбуждения тряслись под джинсами и мини-юбочками...

Больше всех было жаль самого юного девятнадцатилетнего Ивана – после оглашения приговора его разбил инсульт. А может, и к лучшему: сидит сейчас овощем, ничего не сообщает.

Об этом думал Митя в камере, глядя в засаленную, потрёпанную книгу и не видя, что читает. Хотя в «Матросской тишине» пуще всего остерегали от этого: не задумываться, не цепенеть, не засыпать с открытыми глазами. Сколько пожизненников вот так стекленели взглядом, часами упёршись в одну точку. И – готовы: челюсть отвалена, слюни текут, глаз мутный, рыбий.

Чтобы не сойти с ума, Митя снова и снова переносился в детство: восстанавливал его в памяти час за часом, день за днём. Прокручивал в голове непрерывный сериал. После утренней баланды шагал по камере, вспоминая: так, на чём вчера остановились?.. Садиковская панамка в рубчик, компот, новые тугие сандалики, которыми он не мог нанюхаться. Строгая нянька с мокрым кручёным полотенцем: «Тихий час – чтоб ни звука мне!»

Самое первое воспоминание: высокое зимнее серое небо, скрип полозьев и шагов, острые верхушки заснеженных елей. И его тащат по этим елям: круто вверх-вниз. Он смотрит широко открытыми глазами, страшно: а ну как вывалится из санок? Бабушка везёт его, укутанного чурочкой, из сельской больнички вниз с горы, потом вверх на гору... Сколько ему тогда было? Четыре года? Пять?

Чем ближе к вечеру, тем он становился нетерпеливее. Каждый вечер с 19.45 до 20.00 у него свидание с родителями. Выход на связь – так они договорились. Родители, где бы ни были, оставляют в эти 15 минут все дела. Мысленно протягивают издали руки, гладят. Отец крепко и больно прижимает к себе и держит – не отпускает. Идёт почти физическое соприкосновение. На подсознательном уровне он всегда был у них в голове («Митя...») Но эти в пятнадцать минут совершалось такое плотное, насыщенное взаимопроникновение душ, благодаря которому можно было жить ещё один день.

Митя подсовывает голову, как телёнок, под горько ласкающую, судорожно сжимающуюся, мокрую от слёз мамину руку. «Что же ты наделал, сыночка? Что ты наделал?!». Непроизвольно жмурит глаза и, забывшись, трётся щеками, носом, вдыхая запах маминой кожи...

...Завидев похабно ухмыляющегося, ненавистного Людочку, нечеловеческим усилием воли разрывает далёкую связь, отворачивается к стене. Людочка пронюхал о Митиных свиданиях и поганит их – ухмылкой, взглядом, гадким словом.

Ночной звонкий грохот расколол тишину камер, коридоров всех четырёх этажей. Взорвались ушные перепонки и мозг, весь спящий мир, всё небо взорвалось. Сухопутный чёрный дельфин в тюремном дворике дрогнул хвостом и дал микроскопическую гипсовую трещинку.

В первую секунду Митя присел и схватился за голову. Во вторую – с размаху уткнулся затылком в стену, будто собирался клевать рассыпанное зерно. Ноги широко разведены в поперечном полу-шпагате, руки крест-крест назад, ладони вывернуты, дрожащие от напряжения пальцы растопырены... Готов в любой момент скороговоркой отбарабанить: «Осужденный такой-то, осужден по статьям 210, 222, 223, 167, 213, 205, 105—30...»

Что его ждёт за нарушение режима? Изолятор, дубинка, стакан, где изнемогающее тело перестает себя чувствовать через несколько часов? Или...

Только что Митя спросонок шёл к параше – месяцами выработанной мягкой бесшумной походкой-скольжением – крадущийся бы ночной зверь позавидовал. Откуда на его пути в камере взялось пустое, тускло блеснувшее в свете «дежурки» цинковое ведро?! Гремя, покапало, раскололо мир. Вдали, за тысячи километров мама взметнулась, прижимая руки к прыгающему из груди пострадавшему, истаявшему больному сердцу.

– Кто тут ешь?! Ково лешак принёс?

На Митю из полутьмы таращилась старуха в ситцевом мятом сарафане. Если бы между тощих грудей не болтался крестик на грязноватом шнурке – чистая ведьма. Смотрела на стоящего раком Митю, качала растрёпанной седой трясущейся головой:

– Эк тебя раскорячило.

Он медленно, недоверчиво разогнулся. Огляделся: дощатые щелястые стены, увешанные пучками трав. Под ногами, под полом курятник: тревожно стонут и вскрикивают разбуженные куры. Он стоял в сенях, и пахло здесь, как у бабушки в деревне, луковой шелухой. Мысленно себя поздравил: слабак оказался. Не прошло года – поехала крыша.

– Засветло не мог явиться? – ворчала бабка, подбирая злополучное ведро. – Прогоню вот поганой метлой – и деньги ваши не нужны.

– Какие деньги? – едва слышно шепнул Митя, косясь на предполагаемую дверь камеры. Он всё ждал топота охраны.

– Какие. Которые за тебя плочены. Приезжие люди сказывали: к тебе, Прокопыха, студен на постой станет. Становись, не жалко. А его ночью лешак принёс. Напугал, сердце чуток не разорвало... Айда, полуночник, койку покажу.

Митя покорно двинулся за чешущейся ворчащей старухой. Лёг на указанное место в пахучее тряпье, вытянулся на полке как солдатик. До рассвета смотрел в потолок, ожидая, как себя дальше проявит съехавшая крыша. Смотрел, пока не засветились щели. И вдруг рухнул в сон, как в яму.

Его разбудили звуки летнего деревенского милого, милого детства: воробьиный гомон, протяжное, озабоченное пение и стоны кур, ищущих то ли червяка, то ли место для кладки яиц. Митю подбросило до потолка: «Побудку, побудку проспал!» Путаясь в тряпье, принялся лихорадочно и безуспешно приводить его в порядок. Ничего не соображая, огляделся...

Подумав, нерешительно потянул обитую рваным войлоком низенькую дверь. Перед ним открылась грязная комната с большой чумазой печью посередине. Из-за дощатой перегородки выглянула вчерашняя бешеная бабка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.